

— Хорошо! Я сам разделаю этого медведя! — с молодецкой удалей воскликнул Мэй Цзинмо. Он сбросил верхнюю одежду, обнажив крепкие, жилистые мускулы.

Для разделки такой туши полагалось иметь при себе полный набор инструментов: тесак, топор для рубки костей и острый нож для обвалки. Но Мэй Цзинмо, не заботясь о правилах, вышел вперед, вооружившись лишь одним кухонным ножом.

Зеваки, среди которых было немало знатоков дела, при виде такой картины начали качать головами и перешептываться:

— Этот парень, как он может быть таким опрометчивым? Разве можно идти на медведя с одним лишь кухонным ножом?

— Эх, доброе мясо погубит.

Мэй Цзинмо не обратил на них ни малейшего внимания. Глубоко вдохнув, он взмахнул ножом. Лезвие сверкнуло — и медвежья шкура, толстая и грубая, под его рукой разошлась так легко, словно была бумажной.

В тот самый момент, когда он собрался приступить к разделке мяса и отделению костей, в его сознании вспыхнула яркая искра, и два слова пронеслись, словно удар молнии: «У-вэй» — недеяние. Он внезапно постиг суть.

Искусство знаменитого мясника Динга, искусно разделяющего быка, заключалось не в ловкости рук, а в следовании естественному порядку вещей, в следовании принципу недеяния.

Мэй Цзинмо начал действовать, следуя естественному строению скелета медведя. Нож мягко отделял мышцы, которые под его рукой сползали, словно текучая вода, обнажая белые кости. Он избегал любых движений, способных затупить лезвие, направляя нож точно в природные зазоры между костями и мясом. Пространства там было достаточно, и инструмент в его руках двигался легко и свободно, без малейшего усилия.

Толпа замерла в немом изумлении. Люди никогда прежде не видели столь искусной разделки. Казалось, Мэй Цзинмо слился с медведем воедино: он чувствовал каждое едва уловимое движение и каждое дыхание зверя. Его руки двигались все быстрее и увереннее, словно он делал это уже тысячи раз.

Наконец, настал самый ответственный момент — извлечение желчного пузыря.

Мэй Цзинмо глубоко вдохнул, крепче сжал нож и одним точным движением проник в брюшную полость, безошибочно обнаружив нужное место. С величайшей осторожностью он подрезал оболочку, аккуратно извлек драгоценную желчь и перелил её в заранее подготовленную нефритовую чашу.

Вся работа была проделана на одном дыхании. На лбу Мэй Цзинмо проступили мелкие капельки пота, но в глазах светились удовлетворение и гордость. Он отложил нож, отряхнул руки и громко произнес:

— Готово!

Толпа разразилась одобрительными криками. Люди плотным кольцом обступили нефритовую чашу, в которой покоилась прозрачная, чистая желчь, источавшая тонкий аромат.

— Мастерски сработано!

К нему быстрым шагом подошел тот самый мужчина в парчовом халате, который хотел купить желчь. В его глазах читалось искреннее восхищение. Он достал из-за пазухи тяжелый кошель и высыпал на ладонь грудку серебра. Отсчитав сорок пять лянов, он вложил их в руку Мэй Цзинмо и громко проговорил:

— Твое мастерство воистину поражает! Я забираю эту желчь. Бери серебро, а лишние пять лянов — это чтобы мы могли дружить. Не смей отказываться!

Мэй Цзинмо на мгновение замешкался, а затем со смехом сложил руки в приветствии:

— Благодарю за щедрость, почтенный!

— Как твое имя, брат? — спросил мужчина.

— Мэй Цзинмо, — ответил тот.

Мужчина рассмеялся:

— Мэй Цзинмо? Отличное имя! Я глава охотников с горы Лунхушань, меня называют Железнорукий Тигр Чжао Бяо. Сегодня увидеть такое искусство — истинное удовольствие! Если когда-нибудь что-то понадобится — обращайся ко мне без стеснения!

Сердце Мэй Цзинмо дрогнуло. О Чжао Бяо он слышал давно: грозный главарь на горе, но человек честный и справедливый, пользующийся большим уважением в народе.

Он поклонился:

— Ваша слава гремит повсюду, брат Чжао. Слышал о вас много, и встреча сегодня — большая честь для меня.

После короткого обмена любезностями Чжао Бяо удалился с медвежьей желчью.

Слава о Мэй Цзинмо в этот день разошлась по всей округе. Не прошло и полудня, как перед его прилавком столпилась толпа, и торговля пошла бойко и шумно. К закату весь товар был распродан, и Мэй Цзинмо выручил триста лянов чистого серебра — этого с лихвой хватило бы на путь до города Линсяо.

Видя, что солнце клонится к закату, он, не теряя времени, быстро собрал лавку и, прижимая к груди тяжелый кошель, поспешил в самую крупную контору извозчиков.

Он как раз выбирал подходящую черную лакированную повозку, как вдруг весь город огласили звуки гонгов и барабанов. Мэй Цзинмо с любопытством высунулся наружу.

Чиновник в высоком звании развернул желтый свиток и громко зачитал императорский указ. Оказалось, что для поддержания порядка в государстве и спокойствия народа введен строгий запрет на свободное перемещение граждан. Каждый, кто желает покинуть провинцию, обязан получить разрешение в уездной управе, а тех, кто попытается уйти самовольно, ждет суровое наказание — отправка на военную службу.

Этот внезапный запрет обрушился на Мэй Цзинмо, словно удар дубиной по голове, сбив его с толку.

Махнув рукой, он решил: сперва нужно купить повозку, это важнее.

Но едва он собрался вернуться, как увидел, что отряд стражников во главе с тем самым чиновником, словно голодные волки, ворвался в контору извозчиков.

— Именем императора! — рявкнули стражники. — Все частные сделки по продаже лошадей и повозок запрещены! Нарушителей ждет кара!

Даже повозку купить нельзя?

Мэй Цзинмо был ошеломлен. Выйдя из конторы, он увидел, что стражники обыскивают дом за домом, конфискуя повозки и арестовывая владельцев.

На сердце у него стало тревожно. Он прекрасно понимал: раз власти подняли такой шум, значит, есть веская причина. Если вдуматься, нетрудно догадаться: кто-то втайне готовит восстание, и эта организация пустила глубокие корни в народе. Власти пытаются лишь предотвратить их объединение.

Откуда он это знает? Потому что сам через такое проходил.

Нужно немедленно бежать.

Теперь его терзали две тревоги: во-первых, страх, что в Луньюане начнется хаос, а во-вторых — опасение, что тайна происхождения Маленького Тан Лэ может быть раскрыта. Что бы из этого ни случилось, для него и его внука Тан Лэ это станет катастрофой.

Впрочем, что толку горевать? На что бы ни обрекла судьба, жизнь продолжается.

Он тяжело вздохнул, поднялся и, сохраняя спокойствие, направился к городским воротам, чтобы возвращаться домой.

...

К закату небо на западе окрасилось в багряные тона, и сумерки начали сгущаться. Мэй Цзинмо перевалил через знакомый холмик, и его взору открылся привычный пейзаж: море персиковых деревьев в цвету, словно облака, подсвеченные лучами уходящего солнца.

Пробираясь сквозь сад, он завидел несколько простых, но изящных домиков. Вдали сельские жители с мотыгами на плечах неспешно возвращались по домам. Это была Деревня Персикового Источника. Сделав еще несколько шагов, он оказался на западной окраине, где из-за стены выглядывала ветка цветущей сливы — там стоял домик, ставший его домом в этой жизни.

Он уже собрался толкнуть ворота, как заметил странную тишину: Маленького Тан Лэ явно не было во дворе. Мэй Цзинмо нахмурился, но тут до его слуха донеслись детские крики и шум возни.

Поначалу он не придал этому значения, но когда узнал голос внука, срывающийся на отчаянный вопль, его сердце дрогнуло.

— Давай! Бей его!

Тан Лэ дерется? Больше всего он боялся, что мальчишка пострадает.

Он поспешил на шум.

Группа детей собралась в углу его собственного двора, образовав плотный круг. Маленький Тан Лэ был среди них самым заметным — всё-таки только он один был покрыт мягким пушком, словно крошечный меховой комочек.

Мэй Цзинмо бесшумно подошел к нему со спины. Дети были так увлечены наблюдением за битвой сверчков, что даже не заметили его присутствия.

В маленькой железной баночке два сверчка, черный и желтый, словно заправские бойцы, сталкивались усиками, издавая едва слышное стрекотание. Дети затаили дыхание, боясь пропустить хоть мгновение.

— Давай, Черныш! — не выдержал один мальчуган, нарушив тишину. Остальные подхватили, громко подбадривая своих фаворитов.

Черный сверчок внезапно сделал рывок, прыгнул и яростно набросился на желтого. Тот не остался в долгу, ловко увернулся и перешел в контратаку. Внутри банки кипела нешуточная схватка.

<http://bllate.org/book/21057/2141082>